

ЛИНИЯ ОТРЫВА

Он рассматривает ее расплывающиеся самодельные тагуировки, уходящие под одежду, и смеется. Говорит: «Синие, прямо как у эсков. Сейчас заработаю, и надо будет перебить».

У нее на руках царапины от ножей, от бритвенных лезвий, рваные — будто от консервных банок. «Меня успокаивает боль», — говорит Алина и отодвигается, закрывается, сворачивается, как зверек. Ей шестнадцать.

Гаражи тянутся над краем обрыва, вдоль железной дороги. Если забраться на крышу, видно мост и реку, и можно долго гулять, перепрыгивая с одного гаража на другой. Днем здесь почти всегда никого, стальные листы грохочут под ногами, после дождя скользят, в жару обжигают голые ступни.

Гараж достался от деда. Ваня с детства наблюдал, как старик перебирал свою «копейку». В гараже дед пропадал днями и ночами — там и умер. Ванина мать машину сдала на металлолом, а гараж решила продать. Пару месяцев он срывал материнские объявления о продаже по всему району, перевез от друга пыльный диван и практически поселился в гараже.

Дед появляется иногда — Ваня видит его краем глаза, — читает газету, сидя на солнце, рассматривает мопед внука,

который не застал, даже пытается ковыряться в двигателе, тихо матеря «узкоглазых чертей».

Утром Ваня и Алина умываются из шлангов, врезанных в водопроводные трубы. Он поливает ее ледяной водой, она кричит и смеется, задыхаясь от напора воды и холода. На вопросы, откуда ее синяки, ушибы, следы пальцев на руках, Алина отвечает: «Упала, ударилась, ты слишком сильно схватил». Но Ваня не хватал – это он помнит точно.

Шпильки Алины вязнут в песке, когда она идет к нему, автоматически повторяя заученные предложения на английском. Мать наняла репетитора, чтобы Алина, в отличие от нее, поступила в вуз. У матери доля в магазине штор на первом этаже их дома, поэтому в своем районе она считается зажиточной предпринимательницей, выше – только директора продуктовых.

Вода из горячего шланга охряная, из холодного – просто желтая. Ваня наливает кружку холодной воды и прикидывает, можно ли ее пить. Можно ли ее прокипятить? Алина думает: можно ли сварить на ней суп? Ржавая вода в старых домах сопровождает их всю жизнь, она будто следует за ними, находит путь по сообщающимся трубам.

Ваня показывает ей свой шрам – глубокую реку с расходящимися от нее ручьями, через всю грудь и живот, – уходящий вниз, под ремень, и говорит: «Шесть ножевых». Алина смеется недоверчиво: «Да ладно, не верю, за дуру меня держишь? Что я, ножевых не видела?» Ваня опускает глаза и смущенно признается: «Это мне селезенку отбили, вообще-то, после такого не выживают, мне ее удаляли, еле откачали». Алина ведет по шраму вниз сначала пальцами, потом продолжает языком, так быстро и умело расстегивает ремень, что он замирает и задумывается: «А сколько

было до меня?» Но мысли быстро пропадают из Ваниной головы, остаются только потолок гаража, неудобный диван, пружины которого впиваются в голую спину и бока, пробор с отрастающими русыми корнями. Высматривая Алину на переменах, он так часто представлял ее голову внизу, между своих ног, что происходящее кажется ему сном. Он лежит, боясь спугнуть, проснуться, пошевелиться лишний раз, и только когда последняя мысль уходит и в глазах начинают расплываться красные всполохи заката, видного в круглом вентиляционном окошке гаража, выдыхает.

Алина прыгает на продавленном диване, босые ступни проваливаются в щели расходящегося от старости поролона, положенного на жесткую панцирную сетку. У нее перехватывает дыхание, ей весело, она то валится на подушки, то допрыгивает до потолка, касаясь его руками. На ее ладонях остаются куски зеленой краски. Приходя домой, Алина несет их с собой в кровать, и они собираются в складках простыни.

У матери в магазине телевизор выключают только на ночь: она смотрит все, начиная с первых новостей и ток-шоу и заканчивая турецким сериалом или концертом в честь очередного государственного праздника. Алине приходится по нескольку раз переспрашивать, мать почти не замечает ее.

Алина зубрит неправильные глаголы, они даются ей тяжелее всего, она каждый раз с ужасом ждет конца занятия, когда репетитор начнет гонять ее по длинным столбикам слов.

«Ты куда собралась поступать? В МГИМО, что ли?» — спрашивает Алину подруга матери.

«В пед? Около вас? Совсем зазнается теперь девка, — говорит потом подруга, — тебя перестанет за человека

считать, без высшего образования-то. Зря ты ее туда отдала. Кем она будет, училкой в школе? Замуж не выйдет, эх-х-х».

Мать Алины гладит ее студенческий, рассматривает синюю печать. «Первый курс, приняли, приняли на очное, бюджет, первый курс». Алина первая в семье, ни у кого до этого не было высшего: бабушка была неграмотной, дед окончил вечернюю школу, отец – литейно-механический технарь, мать вышла замуж сразу после школы. Мать думает: «Дочь-оторва будет учительницей в школе, англичанкой». Тянет про себя: «Англича-а-ан-ка», как тянули насмешливо ее одноклассницы.

Они просыпаются от сирен, треска, грохота, от едкого дыма, проникающего в гараж. Алина распутывает волосы, он шарит в поисках одежды, они одеваются и забираются на крышу посмотреть, что происходит. Один за другим огонь охватывает пустующие этажи автомобильного завода. Дед тоже вылезает на крышу, впервые на Ваниной памяти, до этого он только гонял оттуда детей. Они смотрят на пожар, как в костер, замороженно, вздрагивая, когда что-то взрывается – может, случайная канистра с оставшимся на дне керосином, маслом, тормозной жидкостью. Пожарные работают всю ночь.

Утром приезжают экскаваторы и сгребают дымящиеся кирпич, стекло и бетон в огромные кучи, давят колесами то, что не забрал огонь. На блестящих тонированных машинах приезжают крепкие ребята в кожаных куртках с перстнями-печатками на пальцах. В цеха они не заходят, стоят у ворот, разговаривают по телефонам с антеннами, размахивают руками. О чем говорят – не слышно, слишком далеко, да и ветер в другую сторону. Кожаные оглядывают округу, провожают взглядами поезд, который

вдруг очень громко гудит, будто пытается их отогнать, и тогда их взгляды доползают до гаражей на кромке бывшего завода. Алина ежится, несмотря на наступающую жару, и говорит ему: «Пошли отсюда, мне страшно».

Их общая компания — одноклассники, дворовые друзья — узнает о том, что они вместе, когда Алина впервые надевает Ванину красную толстовку. Самая обычная, купленная в переходе, она защищает ее от лишних липких взглядов, чужих рук, предложений выпить, навязчивых звонков и сообщений. Ваня начинает чувствовать ответственность за ее безопасность, это новое для него чувство, сродни родительскому. Каждый день он встречается ее со станции и провожает домой. Если он не будет провожать ее вечерами, это будет делать кто-то другой. Они целуются в подъезде, на лестничной клетке, их губы болят и покрываются синяками, она всегда стремится задержать его подольше и, поднимаясь домой, говорит себе: «Надеюсь, отчим уже уснул».

У них появляются свои привычки. У каждого своя половина дивана, она выдавливает прыщи на его спине, он по утрам греет воду в тазу на электроплитке, когда горячую отключают: знает, что Алина не любит мыться холодной, но утром настолько ленива, что скорее сполоснется из шланга, чем станет возиться с тазом. Алина подметает бетонный пол, выбивает подушки, стирает плед, которым они накрывают диван. Пока плед сушится на протянутой от забора до крыши гаража веревке, Ваня рассматривает грузовики, вывозящие в контейнерах мусор, и задумывается о медных проводах, которые тянутся по крышам от одного здания к другому: их почему-то до сих пор никто не срезал. Он размышляет, сколько они могут стоять, строит маршрут, как в компьютерной игре, прикидывая

на глаз, где можно перепрыгнуть, вспоминая, где остались лестницы, а где слишком далеко до другой крыши.

Ночью он просыпается оттого, что у нее дергается нога, он гладит ее спину, пока она не засыпает крепче. Иногда, когда он будит ее среди ночи, она вздрагивает и пытается его оттолкнуть, поэтому он знает, что нужно быть аккуратным и нежным. Он встает, одевается, берет дедовский старый фонарь и выходит. Дед провожает его взглядом, и он кивает ему на прощание. Ваня вырос на историях, как рабочие выносили что-то с завода. Его дед даже отсидел за продажу бензина и за обедом любил рассказывать, хитро прищурившись, как выносил листы железа, обмотав их вокруг ноги. «Откуда, как ты думаешь, у нас это ведро?» Поэтому никаких угрызений совести, забираясь по аварийной лестнице на крышу котельной и перекусывая первый провод кусачками, Ваня не испытывает. Того, что провод окажется таким тяжелым и хлестнет его поперек груди, выбивая весь воздух из легких, он не ожидает и от боли отпускает перила.

В их районе прорывает канализационную трубу, тянущуюся через весь город к ним, на юго-восток, и у них отключают электричество. Алина сидит на крыше гаража одна и смотрит, как останавливаются на трассе заливаемые нечистотами машины, как босые люди пробираются по обочинам, закатав штанины и подоткнув юбки. Пассажиры выходят из остановившейся электрички и идут по путям назад, в сторону станции, поскользываясь на мокрых камнях. Она думает, что если кто-то утонет здесь, то его найдут не сразу и что ее сейчас стошнит от запаха, и слезает вниз, но тошнит ее не поэтому.

Месячные не приходят в срок, она думает: «Этого не может быть! Только не со мной». Утром Алине не хочется

есть, и, пока идет на первую пару, она сглатывает желчь. На парах сидит сонная, следит за пылинками, которые выются в столбе света. Преподаватели ругают ее за невнимательность, когда им приходится повторять вопрос.

Она приходит в гаражи каждый день и ждет. Сначала она не знает, что скажет ему. Она разрывается между желанием ничего не говорить и рассказать сразу все. Ей одновременно и страшно, и стыдно. Через пару дней она начинает плакать и плачет, как ребенок, пока не наступают обезвоживание, — у нее болит голова, ее мучают одновременно икота и тошнота. Попытайся она сейчас ему все объяснить — не смогла бы. Наконец она начинает злиться на него: он никогда так надолго не пропал, она придумывает себе, что он все знает и именно поэтому не приходит. Но видно, что он не появлялся: его куртка висит на том же месте, нет ни мокрых следов, ни засохшей грязи. И записка от продажи дедовских инструментов тоже на месте, за обшивкой, в дальнем углу от входа, она проверяет ее каждый день. Она думает, идти к нему домой или нет, но решает, что все ясно и так. Снимает его толстовку и оставляет на диване, выходя, запирает гараж на амбарный замок, ключ кладет на обычное место — в распределительную коробку.

Придя домой, она старается проскользнуть в свою комнату как можно тише. Аля знает, как скрипят все паркетины, и наступает то пяткой, то носком, пережидает, услышав скрип или шорох из комнаты матери и отчима. В своей комнате она сразу закрывается на щеколду.

Сегодня ей не удастся пробраться незамеченной: у них гости. Она с порога понимает, что пьянка в разгаре. Дядя Толик в тысячный раз рассказывает про ваучеры, тетя

Таня жалуется на сына: не помогает, женился на «чернявой» и съехал к ее большой семье. И мать начинает хвалиться. Алину зовут на кухню, ко всем, отчим сидит, как обычно, в самом удобном углу у холодильника, напротив маленького телевизора с антенной. Алина кидает на отчима быстрый взгляд – сегодня, может быть, обойдется: он в благостном настроении.

Алина годами не ходила на физкультуру, чтобы не раздеваться при всех, – поддерживала образ оторвы, но в конце четверти и перед каждым торжественным мероприятием в спортзале приходила к физруку убираться и драить пол серо-коричневой тряпкой, оттирала растворителем пятна краски от неаккуратного ремонта. Одноклассникам Алина говорила, что физруку она «заносит», и это сразу ставило ее выше других: денег ни у кого не было.

Гости уходят, мать засыпает, и отчим зовет Алину из-за двери, просит открыть, потом начинает ломиться. Петля щеколды с каждым ударом отходит от косяка.

Мать, очнувшись от пьяного сна, бредет по длинному коридору и, заглянув в открытую комнату дочери, начинает кричать. Алина моется в ванной. Милиция приезжает быстро – из опорного пункта в соседнем доме. Бьющейся в истерике матери вызывают скорую – ей делают укол, констатируют смерть отчима от бытовой травмы. Алину допрашивает знакомая ей по разборкам насчет школьных краж инспектор по делам несовершеннолетних. Она отвечает спокойно, в конце концов замолкает и неподвижно сидит на табурете в одном полотенце. Инспектор рассматривает ее синяки, затем выходит и приносит ей первую попавшуюся одежду – штаны матери и рубашку отчима. Рубашку Алина бросает на пол, встает,

надевает штаны, и становится виден ее намечающийся живот. Инспектор запирает дверь на кухню, пишет показания за нее, дважды зачитывает их, делая акцент на отдельных словах. Алина отрывает глаза от пола, кивает и подписывает.

Ваня лежит, заливаемый водой из канализации, и его тело покрывается очистками и остатками непереваренной пищи. Потом его заносит копотью, гарью и строительной пылью с завода. Строители, которые сносят здания, не замечают его, и тело уходит все глубже и глубже в грунт, его засыпают песком, щебнем и наконец закатывают асфальтом. Он иногда сидит в гараже на разложенном диване и слушает, как ворчит дед, отбирающий у бродячей собаки недогрызенную кость, которую кинули ей после обеда строители. «Нечего, нечего, — бормочет дед, — разве-лось вас тут!» А иногда Ваня гуляет вдоль путей, заглядывая в окна стоящих на перегоне поездов. Он отражается, множится в слоеных окнах и через открытые форточки чувствует запахи поездной жизни — лапши, отбеливателя, пота и душных, беспокойных снов.

Ее сын идет в школу, место ему едва достается: в классе по тридцать, а то и по сорок человек. На их улице появляются билборды с рекламой нового жилого комплекса: броское название, жизнеутверждающие слоганы, улыбающиеся лица. Алина находит в интернете адрес ЖК, изучает планировки и вдруг узнает местность. Она с недоверием смотрит на железку и далекую реку на фотографиях видов из окон, разглядывает гаражи на обрыве, похожие на заплатки разных цветов — от коричневого до ярко-зеленого. Она никогда не видела их с этого ракурса.

Муж говорит ей: «Давай перебираться ближе к центру, надоело стоять в пробках». Его бизнес по продаже

автоэмалей идет в гору, он нанимает маляров и шлифовщиков и открывает несколько покрасочных камер в бывших гаражах на окраинах города. Ее английский пригождается: она переводит каталоги и прайс-листы, делает заказы, договаривается с индийскими и китайскими поставщиками. Муж планирует расширяться, продавать запчасти и поэтому хочет переехать в город. Только ему Алина рассказывает все про свое детство и юность через несколько лет после свадьбы, беременная вторым ребенком. Муж запрещает ей ездить на кладбище к отчиму и не разрешает их детям общаться с бабушкой.

Ржавая вода наполняет ванну в новостройке, когда она открывает кран, чтобы искупать второго ребенка. Вода красит белую полиэтиленовую занавеску в желтый так, что через месяц ее можно выбрасывать. Алина просит мужа купить новые фильтры, а пока заматывает краны марлей – когда она снимает эти повязки, находит внутри красных червячков. Ночью она представляет себя лежащей на пледе на продавленном диване и крышу гаража вместо подвесного потолка квартиры – только так ей удастся кончить. Алина гуляет с коляской по дорожкам жилого комплекса, объезжает дыры: весной плитку ведет – она плывет прямо под ногами. От бывшего завода остался старый кирпичный забор, который отделяет жилой комплекс от железки, и прогулка до него и обратно становится ее любимым маршрутом.

Алина переходит железную дорогу и поднимается по обрыву наверх, хватаясь за тонкие хлесткие ветки и пучки травы. Она помнит, где находится лаз в гаражи, но он оказывается заваренным. Ей приходится обходить почти три километра по краю обрыва, разбитой дороге, камням и пустырю. «Есть места, в которых ничего

не меняется», — думает Алина, спотыкаясь и поскользываясь в грязи. Она проходит мимо охраны, просто кивнув, они провожают ее ленивыми, ословелыми взглядами. Его гараж она находит быстро, ее тело помнит, куда идти и какой его гараж по счету. Алина достает ключ из распределительного щитка и вставляет его в заржавевший амбарный замок, уже чувствуя, что увидит. Она нажимает на ключ, преодолевая сопротивление, ей приходится несколько раз ударить замок о дверь, чтобы ключ повернулся. Наконец она снимает его и открывает севшую дверь, которая прочерчивает борозду в асфальте, оставляя след из хлопьев краски. Алина шагает внутрь.

Первое, что она различает, — красная толстовка там же, где она ее оставила. Алина проводит пальцами по подлокотнику дивана, и на ее руках остается маслянистый слой пыли и копоти. Она ищет тряпку, чтобы вытереть руку, но все вокруг покрыто слоем грязи. Алина нащупывает и отковыривает лист обшивки в дальнем углу и находит деньги. Потом залезает на крышу гаража и смотрит, как в окна новостроек зажигается свет. Ее телефон начинает вибрировать, но Алина сбрасывает. Она дожидается, пока Ваня сядет рядом, и кладет голову на его колени.

ПЕРЕСОРТИЦА

В четырнадцать Марина переступает порог милицейского колледжа, родители подают документы за нее: «на районе», идти недалеко, кусок хлеба всегда заработать можно. Колледж стоит на задворках бывшего автомобильного завода, куда в выходные ее отец отправляется с болгаркой за металлоломом. Марина ходит по коридорам и рассматривает витрины – медали и награды, фотографии лучших выпускков, благодарности и грамоты от правительства и президента, подписанные синей ручкой. Рассматривает автограф и думает: «Неужели настоящая, неужели Его рукой?» Заведующая складом выдает брюки одного размера и рубашку другого, и пока она ворчит о недокомплекте, Марина примеряет свою первую форму. Вытягивает длинные руки – ткань на плечах трещит; ей вообще сложно найти одежду, мама всегда перешивает купленное. «И так уже пересортица», – бормочет завскладом, и Марине кажется, что это слово про нее – что-то между переростком и сортом груш или яблок.

– Белый налив, – шепотом говорит она, переодевшись и расписываясь в ведомости, – мои любимые – белый налив.

Ее родственников «пробивают» на наличие судимостей и связей за границей. Мама рассказывает по секрету,

что прабабушка Марины в Великую Отечественную была на оккупированных территориях Украины.

— Я хочу, чтобы ты знала, только никому не проболтайся. — Они сидят на кухне за столом, покрытым клеенкой с аляповатыми голубыми васильками. — Бабка тогда взяла детей, собрала чемодан, закрыла дом, заколотила ставни, когда немцы были на подступах к городу, но не успела уехать. При Сталине могли и в лагерь отправить, ну а сейчас, — мама вздыхает, — сама понимаешь, какое время. Если что, мы из Пензы. А отца твоего никогда не принимали, чтоб ему, судимостей никаких нет, — усмехается мама ртом с почерневшими железными коронками.

Прабабушка иногда закатывает банки на кухне. Марина ее видит, начиная с Яблочного Спаса. Она наклеивает пластыри на крышки и подписывает шариковой ручкой год, иногда это шестидесятые, иногда сороковые. «Доню, — просит, принимая Марину за свою дочь, — сходи за сахаром».

Марина взрослеет под присмотром алебастрового Железного Феликса, его шестиметровая статуя стоит на первом этаже: гордый поворот головы, одна рука в кармане шинели, другая сжимает шапку. На парах — такое взрослое слово — к ним, четырнадцати- и пятнадцатилетним, вчерашним детям, спешившим домой на мультфильмы, обращаются на «вы». Преподаватели, бывшие и настоящие сотрудники милиции, объясняют им, что в школе учителя были обязаны дотянуть их до аттестата, а здесь удержаться им позволит только соблюдение дисциплины и личная ответственность. Их группы называются по-военному — взводами. Пока ее бывшие одноклассники прогуливают школу, у нее строевая и огневая подготовка,

дежурства по столовой и чистка плаца от листьев и снега. Они по секундомеру разбирают и собирают автоматы – кто последний, тот дежурит сегодня. Найдя выпавшую из чьего-то кармана шаргалку, начальник взвода останавливает экзамен и диктует выдержку из УПК, чтобы затем вычислить нарушителя по почерку; зашедшей проверочной комиссии он с улыбкой поясняет: «Проводим следственный эксперимент».

– Автомат – это оружие труса, – говорит Марине отец, сидя на гнилом дачном крыльце и расчесывая комариные укусы сквозь дырку в растянутых синих трениках, – самое лучшее оружие – винтовка Симонова. Без нее, – он, как проповедник, поднимает руку с зажатой между желтоватыми пальцами сигаретой, – не было бы кубинской революции!

Марина всегда очень спешит с огневой подготовки на стадион. Во время бега задерживает дыхание, никто не учит их дышать правильно. Все мысли уходят, и пока не начинают болеть легкие, она наслаждается пустотой и головокружением. На уроках рукопашного боя Марина хочет, чтобы к ней относились как к остальным, просит не жалеть, но она единственная девушка во взводе, и парни на спарринге аккуратно укладывают ее на скользкие маты, застенчиво улыбаясь. Тренер вздыхает, смотрит на нее сверху вниз и показывает еще раз. Говорит ей, хлопывая, как лошадь по крупу:

– Ты такая рослая, ноги как у легкоатлета, косая сажень в плечах, что ж ты не используешь это? Дралась вообще когда-нибудь? Или все боятся и не лезут?

Она вспоминает случай в детстве, который можно с натяжкой назвать дракой. Лет в восемь они с дворовой подружкой придумали кидать друг в друга камни из кучи,

сваленной у дороги, и уворачиваться. И первый же камень Марины попал подруге в губу. Губу увезли зашивать в больницу, а во дворе с ней перестали общаться. Других друзей она так и не завела. Ее никто не наказал: отец тогда пропадал неделями, а матери было не до того.

— Я не хотела, — признается Марина тренеру, впервые рассказав эту историю, — я просто промахнулась, хотела кинуть мимо.

— Ну, тут как раз надо целиться, — отвечает тренер. — Ничего, сделаем из тебя еще бойца. У нас окружные соревнования на носу, а мне из девчонок некого выставить на них. Вот прошлый выпуск знаешь какой был! — Он мечтательно заводит глаза. — Бешеные все, волосы вырывали друг другу клоками, когда проигрывали, объяснительные потом писали, выговоры получали, бой-бабы, эх-х.

На пьянку в честь окончания первого курса они всей толпой вместе со «старшаками» идут в заброшенный ДК около железки. ДК раньше принадлежал автомобильному заводу, но потом, когда производство закрыли, стал разрушаться и зарастать травой. Один однокурсник открывает ей пиво, другой передает свое, уже открытое, третий расстилает кожаную куртку на серой крошащейся плитке.

— Стремно быть девственницей. Значит, никто не захотел, значит, никому не нужна. Идеальный возраст, конечно, шестнадцать, — говорят ей.

Уголовной ответственности никакой, знает она. Девочек на курсе пятнадцать, парней в десять раз больше, поэтому даже самые некрасивые чувствуют свою ценность и понимают, что могут выбирать, кому давать. Марина затягивается переданным косяком, неумело отпивает пиво, обливаясь пеной, и к ней подсаживается, отгоняя остальных, старшекурсник. Предлагает, ухмыляясь:

— Давай я тебя научу пить. Наклоняй медленнее, не так резко.

Дома он говорит ей, укладывая на разложенный диван:

— Ты такая чистая, такая красивая, я так рад, что я у тебя первый.

Она лежит, улыбаясь, придавленная его весом, дышит в его шею и думает, что влюбилась.

— Скоро мать придет. — Он поднимает ее и вытаскивает окровавленное полотенце. — Выброси по дороге, ладно? Только не в нашу мусорку.

Марина еще долго чувствует запах его туалетной воды на шее и груди, моется частями, только чтобы слышать его дольше. Представляет, как они будут гулять вместе после пар по району, жарить шашлыки с его друзьями в лесополосе около железки. Рассматривает в магазинах платья, прикидывая, какое из них может ему понравиться. Втайне от матери примеряет ее выходные босоножки на шпильках, но на Маринин сорок первый они не налезают, пальцы торчат.

— Залететь не позорно, по пьянке все бывает, лишь бы парень женился, возьмишь академ, а иначе придется идти на аборт, — говорит однокурсница.

Но он не женится.

Марина сидит в горячей ванне почти до обваривания, до ожогов. Высыхающая красная кожа потом сходит пластами. Прабабушка заходит в ванную, смотрит на нее и молчит. Марина пьет горькие отвары из петрушки, даже думает зайти в церковь, только не понимает, за здоровье ей ставить свечку или за упокой, — может, прабабушка знала такие тонкости. Но вызвать выкидыш у Марины не получается.

— Главное, чтобы отец не узнал, — рассуждает мама, — и соседи. Иначе это позор. Поедем делать аборт в областную больницу, а то в нашей все будут языками молотъ. А соседям я скажу, что отправила тебя в лагерь. Этот, как его, военно-патриотический, на Селигере.

Марина лежит на покрытой клеенкой каталке, коек не хватает. То голова, то ступни свешиваются, голые ноги липнут к клеенке. Врач выдает ей таблетку, которая вызывает такую боль, будто кто-то взял сердце — то, маленькое, бьющееся в животе, — и резко сдавил. Потом, как из крана, начинается кровотечение. Марину то знобит, то бросает в жар, и кровь не останавливается.

Кровь не останавливается, пока она не теряет ребенка в темном, холодном поутру туалете больницы, пока что-то в ней не ломается. Она подвывает от боли, согнувшись над раковиной, ее мама тихо плачет в платок в коридоре. С тех пор Марина навсегда перестает подавать нищим и подкармливать брошенных собак.

— А ко мне муж после смерти приходил каждую ночь, — говорит ее соседка по палате, отходя от наркоза после операции.

Бабушка на койке около окна перестает храпеть и открывает один глаз.

— Ходил и ходил, — продолжает соседка, — как живой был неугомонный, так и мертвый остался, слаб был напередок, ох слаб... Сын у меня рос, и замуж надо было опять выходить, одна бы я не потянула, вот и говорю ему как-то ночью: уходи, мне живой мужик нужен. Чтобы, говорю, и по хозяйству, и денег в дом, и сына воспитывал.

— Не страшно было? — подает голос спавшая бабушка. — Мне было страшно, когда ко мне мой приходил, после войны.

— Да не-е-е, — тянет соседка, — он же мой, родной, чего бояться. Не ушел, правда, пришлось изгонять — звать ба-тюшку.

С третьего курса Марина проходит практику в отделе-нии, разбирает архивы в подвале, подшивает заявления портновской иглой, нумерует, составляет описи. Огромные стопки документов высятся в углу кабинета, она набирает их охапками и перекладывает на свой стол. Знает, сколько весит работа до обеда и после. Единственное развлечение в комнате без окон — радио, на третий день она заучивает все песни, которые крутят по кругу.

Тренер посылает на турнир по рукопашному бою. Пе-ред началом соревнований по физкультурному залу про-ходят священники с кадилами, благословляя их на бои, долго зачитывая по бумажке на старославянском. Марина понимает только отдельные слова. Начальник взвода гово-рит коротко, зато понятно: «Если опозорите меня — задним числом переводитесь в кулинарный техникум».

Каждый взвод считает себя легендарным и элитным, поэтому победа на соревнованиях особо почетна. Медаль Марины вешают на гвоздик за стеклом на первом этаже. В столовой для взвода устраивают праздничный обед — борщ с пампушками и настоящее мясо, не потроха и не на-доевшая курица. Марина ест, держа руки на весу и стара-ясь не касаться липкой клеенки.

Она обращается к Железному Феликсу, когда ей некуда больше пойти и не с кем поговорить. Из лекций по истории она знает, что он был покровителем бездомных и защит-ником детей. Марина надеется, что для нее найдется слово или знак. Она спрашивает его о себе, чуть шевеля губами:

— Сережа из тридцать третьего взвода меня любит? Мама меня простила? Я сдам огневую подготовку?

Когда отец Марины в очередной раз уходит в запой, мама отправляется к нему на работу и просит не увольнять его. Говорит, что он заболел, и начальник производства делает вид, что верит. Отец — лучший сварщик на заводе, и без него все сложные заказы встают: таких качественных сварных швов нет больше ни у кого. Марина находит отца, опросив всех его собутыльников, у давней маминой подруги. Тетя Таня открывает дверь, и Марина сразу сносит ее плечом — та, задохнувшись, приваливается к холодильнику. Отец матерится, пока она тащит его по лестнице вниз. Он отталкивает ее, но Марина понимает, что стала сильнее и выносливее, рукопашный бой не прошел даром. Она заставляет отца снова закодироваться, и в конце месяца у нее появляются зимние сапоги, а у мамы — новая керамическая коронка.

Железный Феликс смотрит на всех сверху своими белыми слепыми глазами и не знает, что здесь позорно одеваться хуже других, иметь не «Нокию», не раскладушку «Моторолу», а старый «Сименс». Позорно хотеть учиться, готовиться ко всем экзаменам, брать много книг в библиотеке, собираться поступать в вуз.

— Кроме высшего образования, нужно иметь среднее соображение, — выдает ей отец. — Работать пора идти. Я после семилетки пошел на завод, видишь, поднял семью, тебя выучил. Пора отдавать долги.

Позорно хотеть большего — поступить в медицинский или педагогический, стать врачом или учить детей. «Самая умная, что ли?» Позорно хотеть странного — отправиться путешествовать в Исландию на велосипеде, выкрасить волосы в синий, выучить корейский, стать вегетарианкой.

В восемнадцать, после окончания колледжа, ее берут в отдел по работе с несовершеннолетними.

— Ну куда еще тебя, — говорит кадровичка.

Марина, помня про архив, соглашается на все. Она ходит по неблагополучным семьям района, потом округа, разбирается с кражами в родной школе, ездит в колонии, сидит в судах, читает заявления и изучает личные дела. Иногда ее поднадзорные младше всего на год-два, они подкатывают, пытаются рассмешить, найти ее слабое место и разжалобить.

Она не умеет просить и принимать взятки, не приобретает профессиональные цинизм и безразличие, ее тошнит от вида крови, от грязи, разбегающихся от включенного света тараканов, от запахов мочи и гниения в домах. Марина не умеет проводить допросы, верит всему и всем, начальник кричит, что ее красным дипломом милицейского колледжа можно подтереться, раздраженно добавляя: «Простота хуже воровства».

Когда она в форме едет в метро домой, с ней боятся знакомиться.

Вечерами и в выходные, когда Марина остается одна, она слышит тихий плач, похожий на мяуканье. Она вышивает крестиком картины по номерам, ее успокаивает, что все понятно, что ей дали схему, написали инструкцию, поставили цифру на каждый моток ниток. Нервничать начинает, только когда нужный цвет вдруг кончается: не доложили или ошиблись. Картина — ваза с цветами или лошади на лугу — не складывается, а нужного цвета в магазине штор по соседству может не быть. Прабабушка иногда садится рядом вязать, но постоянно сослепу теряет петли.

Марина простужается, проведя на морозе пять минут без шапки или посидев на сквозняке, потом неделями

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru